

184. *Источник: Василий Вонлярлярский. "Большая барыня". Москва, изд-во "Правда", 1988. Стр. 19 -*

OCR и правка: Давид Титиевский, май 2008.

Оригинал здесь: [Библиотека А.Белоусенко](#).

Часть первая

В отдаленном уезде одной из западных губерний, на весьма неживописном берегу речки Коморца и поднесь красуется усадьба, принадлежавшая некогда Петру Авдеевичу Мюнабы-Полевелову. Усадьбу эту получил Петр Авдеевич в наследство от отца своего, умершего в 18.. году. Петр Авдеевич служил тогда в одном из армейских уланских полков штаб-ротмистром и считался ездоком. Не имея ни матери, ни братьев, ни сестер, штаб-ротмистр как единственный наследник родителя почел за лучшее выйти в отставку. Он был широкоплечий малый, лет двадцати осьми, роста среднего, с красными руками и лицом довольно обыкновенным. Волосы его были черны и жестки, лоб мал, глаза без выражения, зубы белы и ус длиннее всех усов бригады, в которой служил Петр Авдеевич; ус этот начинался под носом, не останавливаясь проходил мимо углов рта и терялся под самым подбородком.

Неожиданная весть о кончине родителя огорчила штаб-ротмистра; он не плакал -- это правда; но не проходил мимо его ни один офицер, ни один лекарь, ни один аудитор, которому бы Петр Авдеевич не сказал: "А знаете ли? ведь батюшка-то умер! вообразите себе". И, высказав это, он в задумчивости брался за ус, тянул его вниз, клал его в рот и проходил далее.

Первую ночь сиротства своего провел штаб-ротмистр тревожно; но следующие менее тревожно, а чрез неделю засыпал скоро, спал крепко и просыпался в обычный час. Несправедливо было бы упрекать в нечувствительности сердце Петра Авдеевича. Сердце его с девятилетнего возраста отдано было, вместе с ним, в одно из учебных заведений и в продолжение очень долгого времени билось это сердце на родительской груди один только раз. Обязанности службы и далекое расстояние уничтожали вся-

19

кую возможность частых свиданий сына с отцом, а потому и смерть родителя умеренно поразила детище.

В один из майских, ясных дней 18.. года перекладная почтовая телега остановилась у деревянного домика сельца Костюкова, Колодезь тож (так звали поместье штаб-ротмистра); с телеги соскочили покрытый грязью, небритый Петр Авдеевич и камердинер его, желтовласый детина лет тридцати. Целых пять лет не видал усадьбы отца своего штаб-ротмистр, целых пять лет не билось сердце его при встрече с знакомыми местами, с полуразвалившейся часовнею, с толстым развесистым дубом, с деревушкою, служившею предместьем Костюкову, с обрывистою дорожкой, пролежавшею по берегу Коморца, и, наконец, с самым двором усадьбы, отгороженным еловыми кольями от фруктового сада и хозяйственных строений. В этот приезд Петр Авдеевич не шептал про себя: "Помяни, господи, царя Давида и всю кротость его", не бросался с невольным трепетом к руке строгого и сурового отца; он без страха вылез из телеги; но тем не менее в глазах его изобразилась глубокая печаль, и он не раз отворачивался от приказчика, прежде чем вошел в прихожую опустелого родительского дома.

-- Здорово, Кондратий, здорово, Егорыч,-- проговорил молодой помещик дрожащим голосом и целуя в седую голову шестидесятилетнего приказчика пошлой наружности; приказчик, не успевший удержать пойманную им невзначай барскую руку, поцеловал барина куда попало и бросился отворять дверь в залу.

В так называемой зале, то есть небольшой комнате с пятью окнами, кривым полом и плетеными стульями, висел в зеленых рамках отцовский портрет: на нем изображен был Авдей Петрович в